

КАК ЧИТАЛИ ДРЕВНИЕ РИМЛЯНЕ

О предполагаемом неумении древних читать “про себя” я услышал впервые в конце шестидесятых, в студенческие годы. Догадка подкупала своей смелостью и оригинальностью. В то время увлеченно дискутировали о мифологическом сознании и особом типе мышления древних, и предположение, что древности было несвойственно, а может быть, и совсем неизвестно молчаливое чтение, органично вписывалось в картину тогдашних представлений об античности как мире, несхожем в плане ментальности с нашим. О доказательной стороне гипотезы я сначала не задумывался, полагаясь на авторитет московских ученых М. Л. Гаспарова и С. Л. Утченко, сочувствовавших, казалось, этой идее.

“Даже исторические сочинения, даже философские трактаты, даже научные исследования писались прежде всего для громкого чтения. Выказывалось предположение, что античность вовсе не знала чтения ‘про себя’: даже наедине с собою люди читали книгу вслух, наслаждаясь звучащим словом”. Это мнение М. Л. Гаспарова.¹

С. Л. Утченко писал об этом так: “Вполне вероятно, что свойственное всем античным историкам пристрастие к вставным речам, речам, характеризующим и действующих лиц и ситуации... является закономерным следствием, вытекающим из общих ‘установок’, из общей ораторской ориентации античной литературы”.²

Занявшись поисками доказательств неумения древних читать молча, я очень скоро убедился, что бесспорных свидетельств, подтверждающих привлекательный тезис о чтении в древности исключительно (или преимущественно) вслух, в сущности, нет – по крайней мере, применительно к римской античности. Факты же молчаливого чтения, причем не допускающие другого толкования, встречаются на удивление часто. Оставшиеся сомнения окончательно рассеял А. К. Гаврилов, выступивший на кафедре классической филологии Санкт-Петербургского (в то время Ленинградского) университета с докладом о громком и молчаливом чтении в античности. Свои наблюдения он изложил сравнительно недавно в статьях, в которых приходит к выводу,

---

¹ М. Л. Гаспаров. Цицерон и античная риторика // Цицерон. *Три трактата об ораторском искусстве* (М. 1972) 7.

² С. Л. Утченко. *Политические учения Древнего Рима* (М. 1977) 15.

имеющему принципиальное значение. “Широкое использование чтения про себя и его преимуществ отвечает и бурному росту знания и книжности, появлению частных и общественных библиотек, потребностям как элементарного, так и высшего образования – всему тому, что мы застаем на подъеме уже в раннеклассическое время. Мы, – заключает он, – находим в античности мир, в существенных чертах весьма близкий нашему”.³

Хотя еще одним мифом об античности стало меньше, расстался я с ним тогда без сожаления и, если бы не упомянутые статьи Гаврилова, вероятно, никогда не вспомнил бы о своем юношеском увлечении. Впрочем, пересмотрев записи тех лет, я с удовлетворением нашел, что мои заметки о технике чтения в древности не лишены интереса. Дело в том, что большинство обнаруженных мною фактов не напрямую, а косвенно подтверждают обычную у древних практику читать про себя. Приведу пример. Если верить Светонию, у Августа вошло в привычку что-нибудь читать или даже писать (*aut legeret aliquid aut etiam scriberet*) в то самое время (*eo ipso tempore*), когда ему стригли или брили бороду (*Suet. Aug. 79, 1*). Надо полагать, делал он это молча. Вряд ли можно представить себе человека, читающего вслух во время бритья.

У римлян чтение про себя входит в практику одновременно с возрастающим проникновением книги в Италию после завершения Первой пунической войны (264–241 гг. до н. э.). Из покоренных грекоязычных эллинистических государств целое столетие не прерывается приток военнопленных, носителей высокой греческой культуры. Образованный раб становится обычным явлением в римской семье. Именно с фигурой раба-грека долгое время ассоциируется у римлян книжная образованность. В одной из своих комедий Плавт изображает греческого раба, бредущего по улице с книгами и целиком захваченного философскими размышлениями (*Plaut. Curc. 288 sqq.*).

О широком распространении грамотности в народе говорит, например, тот факт, что уже во II в. до н. э. пароль в римской армии передавался не устно, а на табличке (*Polyb. VI, 34, 8–10*). Подобная практика имела смысл лишь при условии, что римские солдаты уже обладали навыками чтения про себя хотя бы отдельных слов. Благодаря обще-

---

³ А. К. Гаврилов. Чтение про себя в древности (обзор античных свидетельств) // *Hyperboreus I* (1994/1995): 2. 32. Из других статей А. К. Гаврилова на эту тему: О технике чтения в древности // *Вспомогательные исторические дисциплины XX* (Л. 1989) 239–251; *Techniques of Reading in Classical Antiquity* // *CIO* 47 (1997) 56–73. См. также: P. Saenger. *Space Between Words. The Origins of Silent Readings* (Stanford 1997).

доступности начального образования к концу I в. до н. э. практически все городское население было грамотным. О грамотности римского населения в эпоху Империи свидетельствует, в частности, большое количество самых разных надписей, в том числе цитат из латинских поэтов-классиков, на помпейских стенах. Автографы такого рода оставляет, как правило, простой люд.

Умение читать про себя прививалось детям в первые годы обучения в школе. “Чтобы прочесть текст, – пишет М. Е. Сергеенко, – ученик должен был сначала разметить его: отделить слова одно от другого, разбить отрывок на отдельные фразы, понять, где по смыслу полагается остановиться, где поставить вопрос, какое слово надлежит подчеркнуть, как и где изменить голос”.⁴

Необходимость предварительного прочтения текста про себя подтверждает во II в. н. э. Авл Геллий в рассказе о том, как однажды он встретил невежду, хвалившегося, что только он один во всем мире может объяснить Менипповы сатиры Варрона. Авл Геллий, у которого случайно была эта книга, попросил его прочесть и объяснить ему смысл пословицы, которую приводит Варрон. “Прочти сам, – ответил тот. – Как же я могу прочесть то, чего не понимаю. Я смешаю и спутаю все слова”. Невежде пришлось уступить и взяться за чтение самому, но он и останавливался не там, где надо было остановиться по смыслу, и произносил слова неправильно (Aul. Gell. XIII, 31, 1–9).

Немало косвенных свидетельств по интересующему нас вопросу можно обнаружить у Светония и Плутарха. Так, в жизнеописании Цезаря Светоний указывает на то, что диктатор пользовался тайнописью (Suet. *Iul.* 56, 6). Владение искусством тайнописи, как и дешифровка написанного условными знаками, предполагает прочтение закодированного текста про себя, в противном случае оно лишается смысла.

Навыки молчаливого чтения были необходимы и при использовании тахиграфии. Римская система стенографии была создана личным секретарем Цицерона Марком Туллием Тироном и впервые применена 5 декабря 63 г. до н. э. во время заседания Сената. Согласно Светонию, Август не без основания считал, что речь Юлия Цезаря в защиту Квинта Метелла была записана скорописцем.⁵ В I в. н. э. охотно пользовался стенографией и даже усовершенствовал ее Сенека.

Если верить Плинию Старшему, Цезарь обладал невероятной способностью делать сразу три дела: говорить, слушать и в то же время

---

⁴ М. Е. Сергеенко. *Жизнь Древнего Рима: Очерки быта* (М. – Л. 1964) 177.

⁵ Suet. *Iul.* 55, 3.

писать или читать (Plin. *N. h.* VII, 91). Невозможно допустить, что Плиний предполагал у Цезаря фантастическую способность говорить и одновременно читать вслух.

Светоний в своем жизнеописании Нерона сообщает о том, что на совещаниях каждый подавал императору свое мнение письменно, а он читал их *молча, про себя*.⁶ Таких примеров можно привести достаточно много. Ограничусь свидетельством Плутарха о последних минутах Гнея Помпея, которого Птолемей заманил в ловушку. Помпей в маленькой лодке плывет к африканскому берегу. С ним его будущие убийцы – Ахилла и два римлянина. После того как попытка Помпея завязать разговор никем не была поддержана, он погрузился в чтение речи, написанной им на греческом языке, с которой он намеревался обратиться к Птолемею. Плутарх пишет об этом так: “Затем последовало долгое молчание, в течение которого Помпей читал маленький свиток с написанной им по-гречески речью к Птолемею”.⁷ Вряд ли “долгое молчание”, о котором говорит историк, нарушалось одним Помпеем – надо полагать, он читал свою речь про себя.

Вне всякого сомнения, грамотность и книжная культура предполагают у людей навыки молчаливого чтения. Развитие в эпоху Августа книгоиздательской и книготорговой деятельности, появление общественных и частных библиотек свидетельствует о том, что вдумчивое чтение про себя становится для римлян делом привычным, не требующим каких-либо особых навыков и усилий. Цицерон рассказывает о том, как он пришел в частную библиотеку Лукулла и увидел там сидящего Катона, обложившегося книгами (*multis circumfusum libris*) и погруженного в свои занятия (*Cic. De fin.* III, 7). Понятно, что библиотека – не лучшее место для громкого чтения. Однако те, кто хотел облегчить себе ознакомление с интересовавшими их произведениями, пользовались услугами раба-анагноста, то есть чтеца.⁸ По всей видимости, для такого рода занятий существовали особые помещения. Как свидетельствует Цицерон, Катон не мог утолить свою ненасытную страсть к чтению и, пренебрегая осуждением сенаторов и своими прямыми обязанностями, читал даже в курии перед началом заседания сената.⁹ Делал он это, надо думать, молча.

⁶ *tacitus ac secreto* – Suet. *Nero.* 15. 1.

⁷ *Plut. Pomp.* 79. Пер. Г. А. Страгановского.

⁸ См.: В. Г. Борухович. *В мире античных свитков* (Саратов 1976) 174.

⁹ *in ipsa curia soleret legere saepe, dum senatus cogeretur* – *Cic. De fin.* III. 7. Не исключено, что именно Цицерон послужил источником рассказа Плутарха о том, как Катон в сенатском зале “нередко сидел молча и читал, прикрывая книгу тогой” (*Plut. Cato.* 29).

Очень скоро образованная элита Рима начинает испытывать ностальгию по звучащему слову. “Всегда есть возможность читать, но не всегда – возможность слушать. – сокрушается Плиний Младший. – К тому же, – продолжает он, – живой голос гораздо сильнее, как говорится, трогает”.¹⁰

Похоже, тоска по *viva vox* играла не последнюю роль в распространении рецитаций (*recitationes*), публичных чтений, в которых авторы знакомили приглашенных любителей литературы со своими произведениями еще до их публикации. Рецитации, начало которым было положено Азинием Поллионом еще во времена Августа, сделались повсеместным бедствием в следующем веке. Повальное увлечение римских писателей выступать с чтением своих произведений высмеивает, например, Ювенал.¹¹ Вероятно, мы не ошибемся, если предположим, что публичные декламации поэтов и прозаиков до какой-то степени заменяли падким до зрелищ римлянам драматические представления, ведь в вошедшей в то время в моду пантомиме преобладали музыка и танцы.

В любом цивилизованном обществе всегда ценилось и ценится авторское или актерское исполнение художественного произведения. Поэты предназначают свои стихи, как правило, для выразительного чтения. Овидий сам призывает своего читателя к чтению стихов громким голосом:

Deve tribus libris, titulus quos signat Amorum,
Elige, quod docili molliter ore legas,
Vel tibi conposita cantetur Epistula voce.

Три его книги возьми, любовных собрание песен,
Выбрав, что можно из них голосом нежным прочесть,
Или сумей выразительно спеть одно из посланий.¹²

На слуховое восприятие своих стихов рассчитывает и сатирик Персий. “Пусть зажигается мной читатель с прочищенным ухом”, – восклицает он в 1-й сатире (*Pers.* 1, 126; пер. Ф. А. Петровского). По всей видимости, неумеренное увлечение современников рецитациями побудило Персия постоянно возвращаться к метафоре, связанной с чистой ушей, которая развивается в его сатирах от простой ссылки на Горация до ключевой метафоры.¹³

¹⁰ *Legendi semper occasio est, audiendi non semper. Praeterea multo magis, ut vulgo dicitur, viva vox adficit – Plin. Epist. II, 3. Cp. Sen. Epist. 33, 9: Multum viva vox facit.*

¹¹ *E. g.: Iuv. I, 1, 1–14.*

¹² *Ovid. Ars am. III, 343–345.* Пер. М. Л. Гаспарова.

¹³ См.: В. С. Дуров. *Жанр сатиры в римской литературе* (Л. 1987) 147, прим. 9.

При Домициане публичные выступления поэтов получают статус государственных мероприятий и выливаются в поэтические состязания. Известно, например, что в поэтическом турнире, учрежденном Домицианом в Альбе, поэт Стаций одержал победу и получил из рук императора венок и денежную награду (*Stat. Silv.* IV, 2, 63–67). Все это не исключает, а лишь подтверждает тот факт, что у римлян чтение про себя уже давно вошло в привычку, и тяготение к *viva vox* – это не что иное, как нормальная реакция на ставшую общепринятой практику молчаливого чтения, крайним проявлением которой являются рассчитанные на визуальное прежде всего восприятие стихотворения “новых поэтов” (*poetae novelli*) II в. н. э. Изобретаются вымученные комбинации стихов, которые одинаково читались слово за словом от начала к концу и от конца к началу, так называемые *versus reciproci* – “возвращающиеся, или анациклические стихи”. Крайней степенью этой изощренности являются *carmina figurata*, фигурные стихотворения, наподобие тех, что писали поэты-александрийцы, например Симмий Родосский, у которого есть стихотворения, по своей форме напоминающие топор, яйцо, пару крыльев. Такого рода *technopaegnia* – “шутки ремесла” – в римскую литературу в I в. до н. э. ввел Левий. До нас дошли “фигурные стихи” Порфирия Оптациана, которые он посвятил императору Константину, и “технопегнии” Авсония – “ропалические стихи” из удлиняющихся слов в форме “палицы”, утолщающейся к концу.

Не следует забывать о развитии в Риме филологии, усвоившей традиции александрийской школы критики текста, главным образом гомеровских поэм, которые теперь уже не читаются вслух, а изучаются систематически.

Установка на голос, обычная в эпоху республики, в эпоху империи постепенно сменяется установкой на чтение глазами, что повлекло за собой широкое распространение в римской литературе таких жанров, как эпитома, бревиарий, компендий и некоторые другие. Уже “История” Веллея Патеркула имела практическое назначение – снабдить консула Марка Виниция кратким и удобным пособием по всеобщей и римской истории. Кратким руководством по практической морали является и труд Валерия Максима, явно не предназначенный для публичного чтения вслух. Вряд ли рассчитывал на слушателя и Светоний, который с величайшей тщательностью распределяет материал и группирует факты по рубрикам и подрубрикам, что едва ли целесообразно, если бы он предназначал свой труд для громкого чтения. С самого начала исключалось восприятие на слух произведений Ампелия, Евтропия, Феста, имеющих ярко выраженный справочный характер. Этот

ряд может быть продолжен за счет имен филологов, комментаторов, юристов, ученых, вроде энциклопедиста Плиния Старшего, специалиста по водопроводам Фронтинуса, грамматика Проба, комментаторов Горация – Акрона и Порфириона, а также живших в V в. Макробия, Марциана Капеллы, Вегеция, автора сочинения “Краткое изложение военного дела”, и Палладия, написавшего “Земледельческий труд”.

На закате античности, когда под ударами варварских полчищ разрушаются традиционные культурные связи, когда разветвленная система школьного образования приходит в упадок и книжная культура сосредоточивается главным образом в монастырях, число грамотных людей резко сокращается и над письменным словом вновь берет верх устная речь.

В. С. Дуров

Санкт-Петербургский университет

The author supports the attempts of some scholars (e. g. Alexander Gavrilov) to undermine the widespread opinion on loud reading as an exclusive or preponderant form of reading in classical antiquity. He suggests that the practised silent reading emerged in Rome since the III century BC. and cites some passages that prove the ability of Romans to read silently (Polyb. VI, 34, 8–10; Cic. *Fin.* III, 7; Plin. *N. h.* VII, 91; Plin. *Ep.* II, 3, 9; Suet. *Iul.* 55, 3; Aul. Gell. XIII, 31, 39). Silent reading in the days of Empire was probably prevalent to the very high degree, so that the practice of recitations can be regarded as a reaction upon the loss of possibility to listen to the living voice of a poet or an actor. With the decline of the literacy in the late antiquity, the practice of reading loudly could begin to dominate over the written word again.